

**СКОМОРОХ И СКОМОРОШЕСТВО:
К ИСТОРИИ СЛОВ И ПОНЯТИЙ**

Любое описание культуры Древней Руси в той или иной степени апеллирует к расплывчатому комплексу явлений, которое соотносится с понятиями *скоморох*, *скоморошество*. Большое количество научных работ, посвященных скоморохам, должно было внести некоторую ясность относительно этого явления. Однако если мы обратимся к исследованиям последних лет, то увидим, что авторы статей и монографий, не сомневаясь в значении скоморошества для отечественной культуры, жалуются на расплывчатость и неопределенность тех реалий, которые стоят за словом *скоморох*.

Скоморохи всегда были загадочным явлением в истории России и русской культуры. С конца XVIII в. и до нашего времени ведутся споры об их происхождении, о временных рамках их деятельности, репертуаре, профессиональной специализации и даже об этимологии терминов, с ними связанных [Фрэнсис 2007: 463]:

Скоморошество, многократно описанное в разных аспектах, как художественно-историческое явление остается трудноопределимым (...). Обратившись к наследию скоморохов, исследователь сталкивается с трудноразрешимыми проблемами. В сущности, наследия скоморохов как такового не существует [Власова 2001: 5—8];

Никто, пожалуй, не породил столько мифов (наряду с серьезными исследованиями), сколько скоморохи. Появилась (с 1976 года) даже целая наука «скомороховедение», но нет донныне ни «каликovedения», ни «ряженъеведения» и т. п. Видимо, такова магическая притягательность самого слова [Грунтовский 2002: 28].

Действительно, изучение литературы о скоморохах скорее вызывает вопросы, чем на них отвечает. Это объясняется тем, что у исследователей со словом *скоморох* ассоциируются разные аспекты исторической реальности. Во-первых, есть представление, что скоморохи — это отечественные менестрели, сочинители и исполнители русского

эпоса¹, во-вторых, скоморохи — это бродячие актеры (русский аналог европейским жонглерам и шпильманам)², и наконец, в некоторых работах скоморохам приписывают жреческие функции, утверждая, что скоморохи и волхвы по сути одно и то же³. Неясен и другой момент: скоморох — это что, профессия (то есть промысел, способ заработка) или некоторое умение (например, играть на музыкальном инструменте)? Может ли крестьянин или кузнец, гончар, торговый человек быть одновременно скоморохом или нет? Были ли скоморохи особым социальным институтом, чем-то вроде европейского ремесленного цеха⁴, или явление носило спорадический неоформленный характер? Читая статьи и книги о скоморохах, совершенно неясно, есть ли какая-то граница между скоморохами и ряжеными, между скоморохами и каликами переходными, между скоморохами и медведчиками, кукольниками, балаганными актерами. Стоят ли разные реалии за разными словами, или мы имеем дело с одним явлением, но по-разному названным. Вся эта путаница позволяет предположить, что существует некоторый зазор между словом *скоморох* в исторических контекстах и современным понятием *скоморох*. Собственно этот зазор и является темой данной статьи.

Если из работ историков не вырисовывается никакой однозначной картины по поводу института скоморошества, то у филологов тоже нет особой ясности по поводу происхождения слова и его истории. Существует несколько версий этимологии слова, ни одна из них не является безупречной. Характерно, что Фасмер характеризует его как «трудное слово» и, приведя все существующие версии, не останавливается ни на одной [Фасмер, III: 648—649]. Кроме того, есть и другая проблема. Большинство исследователей сходятся на том, что сам социальный институт скоморошества явление не заимствованное⁵, а

¹ О том, что скоморохи поют былины, свидетельствует В. Н. Татищев: «Я прежде у скоморохов песни старинные о князе Владимире слышал, в которых жен его именами, тако же о славных людех Илье Муромце, Алеше Поповиче, Дюке Степановиче упоминают и дела их прославляют» [Татищев 1768: 44]. В научной литературе вопрос о профессиональных певцах-скоморохах и былинной традиции был поставлен в работе Миллера «Былинное предание в Олонецкой губернии» [Миллер 1894]. Среди исследований XX в., посвященных этой стороне проблемы, можно отметить работы А. А. Морозова [Морозов 1946; 1950] и З. И. Власовой «Скоморохи и фольклор» [Власова 2001].

² Об этом см. [Веселовский 1883: 129—130].

³ Об этом см. [Барцевский 1914: 3—9; Власова 2001: 23—126].

⁴ Об этом см. [Беляев 1854: 76—78].

⁵ О заимствованной природе скоморошества см. [Веселовский 1883: 183].

исконное. Скоморохи — это специфически русское явление, независимо от того, каково происхождение слова. Следовательно, ожидается появление этого слова в памятниках, составленных или переведенных на Руси. Однако это слово встречается и в текстах, которые были переведены в Болгарии: в хронике Иоанна Малалы, Житии Иоанна Златоуста, Синайском Патерике.

Я оставляю в стороне вопросы этимологии и вопрос о том, было ли явление заимствованным или исконно русским, и сосредоточусь на употреблении слова *скоморох* (*скомрах*) в текстах XII—XVIII вв. При работе были рассмотрены контексты с корнем *скомрах-/скоморох-*, которые собраны в картотеке «Словаря русского языка XI—XVII вв.» и картотеке «Словаря русского языка XVIII века»⁶. Кроме того, были проанализированы тексты, входящие в сборник документов «Скоморохи в памятниках письменности», выпущенный Пушкинским домом в 2007 г. (далее [Скоморохи в памятниках 2007]).

При анализе контекстов становится очевидным, что слово *скоморох* сугубо книжное. Одним из доказательств является то, что неполногласная форма *скомрах* встречается достаточно часто. Слово *скомрох/скомрах* чаще всего появляется в текстах правового характера как переводных: Кормчая, Требник (раздел: покаяние священническое), — так и непереводных: Судебник Федора Иоанновича, многочисленные жалованные грамоты, Стоглав и др. Кроме сугубо правовых текстов оно встречается также в текстах иных жанров в контекстах учительного характера.

Обращает на себя внимание тот факт, что слово *скоморох* регулярно появляется в книжных контекстах, имеющих запретительное или осуждающее содержание. Вот некоторые из них:

Но сим дьявол льстит и другими нравы всякими и лестями пребавля ны от Бога трубами и скомрахи и гуслеми и русальями видим бо игрища утолочена и люд(ей) множество на них [Радзвиловская летопись 1902: 99] (XV в);

Сотона... присно и мьногими кзьньми ч(е)л(ове)кы врагы Б(ог)у сътворяеть всякими льястми превибляя (отлучая) ны от Б(ог)а труба-

---

⁶ Пользуюсь случаем выразить свою признательность сотрудникам Отдела исторической лексикографии и исторической грамматики Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН (руководитель В. Б. Крысько) и Группы исторической лексикологии Института лингвистических исследований РАН (руководитель И. А. Малышева) за возможность пользоваться картотеками словарей русского языка XI—XVII и XVIII в.

ми (съпельми) и скомрахи и иными играми [Сведения и заметки I, 3: 41] (XII в.);

О неких не приемленных людским судом: и скоморох и елин и еретик и жидовин не прияти и [Мерило праведное 1961: 158] (сер. XIV в.);

Се бо сатанинско замышление, горши поганых есть, сий бо позоры замыслил есть: смехотворцы, кошунники и скомрахи изъучи, да тех дела злыми и позоры погубит зле [Пономарев 1897: 106] (XIV в.);

А попрошатаем у них, в тех деревнях ездя, не просить и скоморохам не играти; а учнут у них попрошатаи ездя просит и скоморохи играти, и яз тех велел имати и давати на поруки, и ставити перед собою, перед великим князем (*Жалованная грамота Великого князя Василия Ивановича Кассиано-Учёмскому монастырю об освобождении от пошлин монастырских сел и деревень в Углицком уезде 1522*. Цит. по [Скоморохи в памятниках 2007: 22]);

В мирских свадьбах играют глумотворцы и органики, и смехотворцы, и гусельники и бесовские песни поют. (...) К венчанию ко святым божиим церквам скоморохом и глумцом перед свадьбою не ходити (*Стоглав ст. 16 1551*. Цит. по [Скоморохи в памятниках 2007: 35]);

Также в праздники, вместо духовного торжества и веселия затевают игры бесовские, приказывают медведчикам и скоморохам на улицах, торжищах и распутиях сатанинские игры творить, в бубны бить, в сурны реветь, в ладоши бить и плясать; по праздникам сходятся многие люди, не только молодые, но и старые, в толпы ставятся, а бывают бои кулачные великие смертного убийства; в этих играх многие и без покаяния пропадают. Всякие беззаконные даде умножились еллинския блядословия, кошунства и игры бесовские; едят удавленину и по торгам продают, да еще друг друга бранят позорною бранью, отца и мать блудным позором и всякою безстыдною нечистотою языки свои и души оскверняют (*Грамота Патриарха всея Руси Иосафа против беспорядков, происходивших во время церковной службы в московских церквах 1636*. Цит. по [Скоморохи в памятниках 2007: 55]).

Из приведенных примеров видно, что рядом со словом *скоморох* появляются слова: *дьявольский, сатанинский, бесовский, дьявол, враг* и подобные. Праведная жизнь противопоставляется неправедной: если в праведной жизни царит духовное торжество и веселие, то в неправедной — скоморошья игры и глум.

Риторическая структура фразы, осуждающей скоморошество, такова, что рядом со скоморошеством осуждаются и другие вещи. Во-рожеи, шахматы, качели, кулачные бои — все эти явления так или иначе соотносятся в сознании авторов документов и поучений с язычеством.

Скомраховъ и всякого козлогласования и баснословия их не творити [Стоглав 1887: 186] (XVII в.);

В сицевых играет и утешается и радуется душа, неже скомрахи и плясцы и шахматы и тавлеи... [Дружинин 1909: 80] (XVI в.);

И мы, великий государь, жалея о православных христьянех, велели (...) в городе, и в слободах, и в уезде мирских всяких чинов люди, и жены их, и дети в воскресные и Господские дни и великих Святых к церквам Божиим к пению приходили и у церкви Божии стояли смирно, меж себя в церкви Божии в пение никаких речей не говорили, и слушали б церковнаго пения со страхом и со всяким благочинием внимательно, и отцов своих духовных и учительных людей наказания и учения слушали, и от безмернаго пьянаго питья уклонялися, и были в твердости; и скоморохов с домрами и с гусльми, и с волынками, и со всякими играми, и ворожей, мужиков и баб, к больным и ко младенцам в дом к себе не призывали, и по зорям, солнычного восходу смотря, не веровали, и в первой день луны и в гром на воде не купалися, и серебра по домам не умывалися, и олова и воску не лили, и зернья, и карты, и шахматы, и лодыгами не играли, и медведей не водили, и с сучками не плясали, и никаких бесовских дел не творили и на браках песней бесовских не пели и никаких срамных слов не говорили, и по ночам на улицах и на полях богомерских и скверных песней не пели и сами не плясали и в ладони не били, и всяких бесовских игр не слушали, и кулачных боев меж себя не делали, и на качелях ни на каких не качались, и на досках мужсково и женсково полу не скакали, и личин на себя не накладывали, и кобылок бесовских, и на свадьбах бесчинства и сквернословия не делали [Скоморохи в памятниках 2007: 66—67] (1648 г.).

Кажется логичным предположить, что здесь мы имеем дело со стандартным средневековым топосом, где слова *скоморох*, *скоморошество* указывают на разного рода народные увеселения и развлечения, осуждаемые Церковью как языческие игрища. В некоторых контекстах слова *скоморошеский*, *скоморошество* покрывают все возможные действия, в других — на первом месте стоит *скоморошество*, а за ним все остальные развлечения, т. е. слова *скоморох*, *скоморошеский*, *скоморошество* — обозначают в некотором смысле родовые, а не видовые понятия. С очевидностью, этот топос восходит к 24 и 51 правилам VI Вселенского собора, а также отчасти к 62 правилу того же Собора и 54 правилу Поместного Лаодикийского собора. Здесь перед нами встает текстологическая проблема, которую в рамках настоящей статьи мы решать не будем. Как известно, правила Вселенских соборов входили в состав юридических сборников разного состава. Обычно по отношению к этим сборникам упо-

требуется общее наименование Кормчая книга. Анализ функционирования интересующей нас лексики в кормчих, относящихся к различным редакциям, — дело будущего. Здесь же мы ограничимся тем, что приведем соответствующие правила по стандартному изданию еп. Никодима (Милаша):

Правило 51 VI Вселенского собора

Святой вселенский собор сей совершенно возбраняет быти смехотворцам, и их зрелищам, такожде и зрелища звериные творити и плясания на позорищи. Аще же кто настоящее правило презрит и предастся которому либо из сих возбраненных увеселений: то клирик да будет извержен из клира, а мирянин да будет отлучен от общения церковного [Никодим I: 536].

Правило 24 VI Вселенского собора

Никому из числящихся в священном чине, ни монаху, не позволяется ходити на конския ристалища, или присутствовати на позорищных играх. И аще кто из клира зван будет на брак: то при появлении игр, служащих к обольщению, да встанет, и тотчас да удалится: ибо так повелевает нам учение отец наших [Никодим I: 506].

Правило 62 VI Вселенского собора

Так называемые календы, вота, врумалія и народное сборище в первый день месяца марта, желаем совсем исторгнути из жития верных. Такожде и всенародныя женския плясания, великий вред и пагубу наносити могущия, равно и в честь богов, ложно еллинами именуемых, мужеским или женским полом производимыя плясания и обряды, по некоему старинному и чуждому христианского жития обычаю совершаемые, отвергаем, и определяем: никакому мужу не одеваться в женскую одежду, ни жене в одежду, мужу свойственную: не носити личин комических, или сатирических, или трагических: при давлении винограда в точилах, не возглашати гнусного имени Диониса, и при вливании вина в бочки не производити смеха, и по невежеству, или в виде суеты не делати того, что принадлежит к бесовской прелести. Посему тех, которые отныне, зная сие, дерзнут делати что-либо из вышесказанного, аще суть клирики, повелеваем извергати из священного чина, аще же миряне, отлучати от общения церковного [Никодим I: 550].

Правило 54 Поместного Лаодикийского собора

Не подобает освященным или причетникам зрети позорищныя представления на браках или на пиршествах: но прежде вхождения позорищных лиц вставати им и отходити [Никодим II: 113].

При параллельном чтении юридических (учительных) контекстов со словами *скоморох*, *скоморошество* и соборных правил становится

понятным, почему скоморошьи игры называются дьявольскими или сатанинскими.

И понятной становится еще одна вещь. В переводных текстах слово *скоморох* соответствует не только греческому *μίμος*, т. е. 'мим', но и *ἵπποδροσία* — 'конское состязание' и *ἡνίοχος* — 'возничий, правящий колесницей'⁷. В этом случае не стоит говорить о неточности и неадекватности перевода. Конские ристалища в соборных правилах стоят рядом с позорищами, где играют мимы. И слово *скомраx* является не столько точным переводом, сколько знаком, отсылающим к знакомому и важному для христианина контексту.

Осуждение народных увеселений связано с осуждением языческих проявлений, которые недопустимы в христианском государстве. Причем язычество здесь понимается достаточно широко: от очевидно славянских явлений (например, ворожеи) до абстрактных книжных обозначений язычника (например, еллины), от отечественных кулачных боев до непонятно чему соответствующих «конских уристаний». Таким образом употребление слова *скоморох* оказывается достаточно абстрактным, не несущим конкретной информации о язычестве в Древней Руси.

Помещенные рядом фрагменты из средневековых текстов и соборные правила объясняют, почему в работах историков зачастую нет различия между скоморохами и волхвами, скоморохами и ряжеными. Источники объединяют эти понятия общим контекстом осуждения, не позволяют провести отчетливую границу между ними. На наш взгляд, за словом *скоморох* не стоит какого-либо определенного общественного института, оно обладает скорее обобщенной осуждающей семантикой. Оно не было общим названием профессии или самоназванием людей, имеющих отношение к тому, что мы называем народной смеховой культурой. Вообще, выводы историков, сделанные на основании письменных источников, содержащих упоминания о скоморохах, весьма сомнительны. Это все равно, что на основании христианских риторических текстов, осуждающих блуд и блудодейцев, делать выводы о существовании института гетер в русской деревне. А ведь именно так поступают историки, исследуя вопрос о скоморохах.

Мой вывод об отсутствии скоморошества как социального института не означает, что не существовало *гудочников, свирельщиков,*

---

⁷ Некоторое недоумение по поводу перевода слов, означающих разнообразные византийские реалии, словом *скоморох* выражает С. А. Иванов в своей работе «Jesters and the Byzantine Hippodrome» [Иванов 1992].

домрачеев, игрецов, глумцов, бахарей, ряженных, медведчиков и др. лиц, занятием которых была потеха и игра. И в контекстах, где нет запретительного значения, появляются именно эти слова. Характерно, что при описании, например, царских развлечений появляются именно *бахари, гудочники* и просто *веселые люди*, но не *скоморохи*. А в Третьем послании Андрея Курбского, обвиняющем царя в том, что он не праведный православный царь, а язычник, употребляется именно слово *скоморох*, которое опять же в духе средневековой книжной риторики ставится в один ряд с *волхвами* и *чаровниками*. И противопоставляется *богодуховенным книгам* и *священным молитвам*.

...Егда церковь твою телесную осквернили различными нечистотами, ноипаче же пятоградные гнусности пропастию и иными бесчисленными и неизреченными злодѣйствы напроказили, имиже всегубитель нашъ, диявол, род челоуѣческий издавна гнусен творит и мерзок перед Богом и во послѣднюю погибель вревает, яко ныне и твоему величеству от него случилось: вмѣсто избранных и преподобных мужей, правду ти глаголющих, не стыдяся, прескверных паразитовъ и маньяков поднес тобѣ; вмѣсто крѣпких стратигов и стратилатов прегнусодѣйных и богомерзких Бельских с товарищи и вмѣсто храбраго воинства кромѣшников, или опришнинцов кровоядных, тмы тмами горших, нежели палачей; вмѣсто богодуховенных книг и молитвъ священных, имиже душа твоя безсмертная наслаждалася и слухи твои царские освящалися, скоморохов со различными дудами и богоненавистными бѣсовскими пѣснями, ко осквернению и затворению слуха входу ко феологии; вмѣсто блаженнаго оного презвитера, яже ты был примирил ко Богу покаянием чистым, и других совѣтников, духовно часто бесѣдующих с тобою, яко нам здѣ повѣдают, не вѣм, есть ли правда чаровников и волхвов от далечайших стран собираешь, пытающе их о счастливых днях [Курбский 1993: 116—117].

В обличительном тексте, каковым является цитируемое выше послание Андрея Курбского, явно не место веселым, гудочникам, домрачеем и гусельникам. Зато в текстах вне риторики осуждения и учительства они появляются в большом количестве. Наиболее общим значением обладает слово *веселый (веселые)*. По своему употреблению оно стоит ближе всего к современному употреблению слова *скоморох*. Вообще слово *веселый (веселые)* является максимально широким для обозначения людей, развлекающих и потешающих. Это слово появляется там, где имеет место нейтральное описание ситуации и где нет риторики осуждения и запрещения.

Веселые Андрей Степанов и Филат Завьялов платили по 6 денег с человека. Веселые Евдоким Ярафеев да Нифон Семенов платили явки 8 денег [Таможенные книги, I: 262];

Марта в 3 день веселые Третьяк Матвеев, Третьяк Ларионов, Томило Афанасьев, Иван Петров, Прокопей Ларионов платили по 4 деньга с человека [Таможенные книги I: 265];

А в те поры в Новгороде, и по всем городам и по волостем, на государя брали веселых людей да и медведи описывали на государя (...) у кого скажут [Новгородская II летопись: 107] (1572 г.);

И Яков сказал: веселые были иноволосные, а были в деревни и збирали себе хлеб, а у меня веселье не играли (*Акты Александра Свирского монастыря 1659*. Цит. по [СЛРЯ XI—XVII в., 2: 112]).

В связи с тем, что можно достаточно уверенно указать на осуждающий компонент в значении слова *скоморох* в текстах XII—XVII вв., еще раз вернусь к вопросу, о котором говорилось в начале статьи. Скоморох — это профессия и промысел или развлечение? Этот вопрос отсылает нас к попыткам найти следы скоморохов в писцовых и таможенных книгах XVI—XVII вв.⁸ На материале этих книг историки пытаются выяснить, каково было число скоморохов в городах и сельской местности⁹. При этом научная ценность выводов кажется

⁸ Речь идет прежде всего о работе В. И. Петухова «Сведения о скоморохах в писцовых, переписных и таможенных книгах XVI—XVII вв.» [Петухов 1961].

⁹ Вот как выглядят материалы, на основе которых делаются выводы о распространении скоморошества:

Ноября в 20 день... Явил новоторжец Кирилла Иванов сын Рогов на двух возех дватцать два пуда сала сырцу да воску два пуда... Цена проданому товару осьмнатцать рублев...

Ноября в 24 день... Явил с Едрова яму посацкой человек Яков Тимофеев сын Дудоладов на двух возех пятьдесят кож... Цена тому товару дватцать пять рублей с полтиною...

Генваря в 18 день... Явил ямогородец Кузьма Федоров сын Дудин на двунатцати возех двенатцать кип хмелю весом осьмнатцать берковеск да пуд с четью меду... Цена хмелю и меду семьдесят шесть рублей с полтиною...

Марта в 5 день. Явил иванягородец Антип Ондреев сын Смычцеково для товарные покупки дватцать рублев денег...

Марта в 24 день... Явил в проезд осташковец Кондратей Богданов сын Трубицын на семи возех шестьсот кож яловичьих да бочка сала топленицу... И того он товару в Великом Новгороде не продал... (*Таможенная книга Великого Новгорода 1610/11 и 1613/14*. Цит. по [Скоморохи в памятниках 2007: 326]).

Все перечисленные персонажи понимаются исследователями как дети скоморохов.

очень сомнительной. Во-первых, если в этих книгах и упоминаются скоморохи (чаще всего эти упоминания выглядят следующим образом: Данилка-рожечник, Истомка-скоморох, Ивашка сын Дудин, Филипка сын Трубников, Микифорка-Куколник), нет возможности провести различие между прозвищем человека и его реальным умением, например, играть на музыкальных инструментах. Во-вторых, людей, записанных как скоморохи, очень мало. В одной из последних работ, посвященных изучению писцовых книг, читаем:

Установить не точное, а хотя бы приблизительное количество скоморохов в том или ином городе практически невозможно: для писцов скоморохи не представляли интереса, если не принадлежали к группе зажиточных. Попадать на перо писцу и брать на себя подати и «тягло» не было смысла и для скоморохов [Власова 2007: 443].

Мне кажется, что отсутствие упоминания связано не с имущественным цензом, а с тем, что скоморох — это не особый род занятий. Это слово говорит о некоторой неблагонадежности горожанина и без необходимости не употребляется (аналоги: гулящий, попрошатай, нищий).

Выше говорилось, что большинство контекстов со словом *скоморох* находятся в переводных или непереводных текстах правового или учительного характера. Другой устойчивый жанр, где появляется слово скоморох — жития. Известно житие Вавилы (VI—VII в.), который был комедиантом в Тарсе Киликийском, имел две жены, а затем, случайно зайдя в церковь, обратился и вместе с женами принял монашеский постриг [О.В.Л. 2003: 470], в русской традиции он назван Вавилой-скоморохом. Замечу, что для христианской литературы праведный скоморох звучит примерно так же, как праведный разбойник. Любопытно, что память Вавилы празднуется в Сырную субботу, то есть на масляной неделе, накануне Прощеного воскресения. В русской литературе этот сюжет был обыгран Н. С. Лесковым в рассказе «Скоморох Памфалон» [Лесков 1989: 113—164]

Жития, созданные на русской почве, рассказывают о святом, который встречает на своем пути скомороха и отказывается слушать его игру или же разбивает музыкальные инструменты. Первая история столкновения святого со скоморохами содержится в Житии Феодосия Печерского, однако самого слова *скоморох* здесь нет.

Въ един же от днѣй шедшу к тому блаженому и богоносному отцю нашему Феодосію, и яко вниде въ храм, идѣже князь сѣдѣя, и се видѣ многы играюще пред нимъ: овы гусленыя гласы испущающим, и

инѣм мусикейскыя пискы гласящим, иныя же органныя, и тако всѣм играющим и веселящимся, якоже обычай есть пред князем. Блаженный же бѣ вскрай его сѣдяй и долу зря поникъ, и яко мало вскло- нився, рече к тому: «будет ли сице въ онъ вѣкъ будущій». И абіе князь словом блаженаго умилися и мало прослезися, повелѣ тѣм престати. Оттолѣ и аще когда повелѣваше тѣм игры творити и когда услыша Феодосіа блаженаго пришествіе, то повелѣваше тѣмъ тихо стати и молчати [КПП 1931: 68].

То, что речь идет о скоморохах, а не просто о княжеских музыкантах, не вызывает сомнения у исследователей. И это, на мой взгляд, правильное понимание контекста. Святой реагирует на инструментальную музыку так, как положено духовному лицу, согласно церковным юридическим нормам. Именно в подобных случаях (то есть при столкновении священника или монаха с музыкантами) должно было употребляться слово *скоморох*.

В старообрядческом житии Ивана Неронова иерей Иоанн также встречается со скоморохами (здесь они названы именно скомрахами, хотя из контекста мы видим, что речь идет о Святках, следовательно, перед нами не просто музыканты, а ряженые). Иван Неронов сражается с бесовскими слугами, то есть ведет себя так, как положено священнику (с той разницей, что преподобный Феодосий смиренно опускает глаза, а старообрядческий иерей крушит ряженных-скоморохов как реальных врагов, материализовавшихся бесов)¹⁰.

Бе же в граде том научением диавольским множество скомрахов, иже хождаху по стогнам града с бубны и с домрами и с медведями. Иоанн же непрестанно запрещаше им, да останутся такового злаго обычія и смехотворных игралищ, яже не суть угодна Богу, и сокрушаше их бубны и домры. Они же, гнева нань и ярости исполняющеса, бияху Божія иерея. И многа страдания от скомрахов онех, яко от слуг сатанинских, подъемляще; а иныи, видяще терпение его и непрестанную по Бозе ревность, оставляхуся от того злаго дела, и в покаяние прихождаху, и припадающе к служителю Господню Иоанну, просяху прощения и притекаху к Святей церкви. Многажды же исхождаше Иоанн против скомрахов с ученики своими во время Рождества Христова и Святаго Богоявления, в ты дни иже нарицаются Святки:

¹⁰ Аналогичная сцена прямой борьбы со скоморохами есть и в Житии протопопа Аввакума: «И я паки позавелся, а дьявол и паки воздвиг на меня бурю. Придоша в село мое плясовые медведи с бубнами и с домрами, и я, грешник, по Христе ревнуя, изгнал их, и хари и бубны изломал на поле един у многих, и медведей двух великих отнял, — одново ушиб, и паки ожил, а другова отпустил в поле» [ПЛДР, XI: 357].

понеже и в полуночи хождаше по стогнам града, и сражахуся с бесовскими слугами, и повелеваше учеником своим орудия игр бесовских разбивати и сокрушати. И тако сражающесе многи раны от скомрахов, бесовских слуг, приемляше Иоанн и ученицы его, и носяще страдание на теле своем, яко некий дар, с радостию, кровию обогрени, ели живы, в дом возвращахуся [Материалы 1885: 261].

Так же как в случае с Феодосием Печерским, этот контекст вновь отсылает нас к церковному праву, запрещающему священнослужителям присутствовать на позорищных играх. То есть присутствие скоморохов в житийных текстах скорее факт агиографической риторики, а не реальной истории.

История слов *скоморох*, *скоморошеский*, *скоморошество* в XVIII—XIX вв. заслуживает отдельного исследования. Здесь я постараюсь наметить лишь пунктирную линию дальнейших разысканий. Хорошо известно, что в XVII в. скоморошество было запрещено не только церковной, но и государственной властью¹¹. То, что скоморохи исчезли накануне петровских реформ, является общим местом, однако медведчики, кукольники и другие бродячие актеры существовали и в XVIII, и в XIX веке¹², поэтому с уверенностью мы можем говорить лишь о том, что слово *скоморох* исчезает из документов. Любопытно, что именно на это время приходятся первые свидетельства о появлении в России профессионального театра.

Исчезнув из языка законодательства, слово *скоморох* начинает осваиваться новым литературным языком. В XVIII в. оно активно употребляется в качестве уничижительной характеристики явлений старой культуры. Когда российские литераторы говорят об искусстве скомороха, они имеют в виду грубую, простонародную музыку, которая не причастна европейской культурной традиции. То есть скоморох — это музыкант из прошлой жизни, не знающий подлинного высокого искусства.

Стиль шутовский, презрев рассудность головою,
Сперва всех обманул своею новизною.
Без шильца вот нигде уж не было Стихов.
Парнасский стал язык на площади каков.
Катится без узды Стих вольно как горохом;
И Аполлин тогда сам стал быть скоморохом [Третьяковский, I: 6].

¹¹ Обзор актов, направленных против скоморошества см. [Фаминицын 2009: 198—206].

¹² См. [Некрылова 1988].

Но суд удобен всем; искусство тяжело.
Посудим-ка себя, нахмуривши чело.
Увы!.. я не сорвал без терний розу.
Мое достоинство — писать на рифмах прозу,
Без вображения, противу языка,
Всечасно падая под критикову лозу.
Осталось ли со мной сравненье виртуозу,
Пленяющему слух движением смычка?
Его художество прекрасно, благородно;
Чтобы возвыситься, поэзия должна
Из живописи быть с музыкой сложена.
Достоин Ариост идти с Паизиеллом,
Но сельский скоморох достался мне уделом,
Который на гудке заставлен поскрыпеть,
Мешает мужикам согласно песню спеть (1783) [Муравьев 1967: 222].

Особо следует сказать об использовании слова *скоморошество* В. Н. Татищевым. Он использует это слово в ряду оппозиционных пар (музыка-скоморошество, знаменование-живопись, танцевание-плясане и т. д.), в которых старая культура противопоставляется новой.

Какіе науки щегольскія разумѣются?

Отвѣтъ.

Оныхъ наукъ есть число не малое, но я вам токмо нѣкоторыя упомяну, яко: 1) стихотворство или поэзія, 2) музыка, русски скоморошество, 3) танцованіе или плясаніе, 4) вольтежированіе или на лошадь садиться, 5) знаменованіе и живопись, которыя по случаю могут полезны и нужны быть, яко танцованіе не токмо плясанію, но болѣе пристойности как стоять, идти, поклониться, поворотиться учить и наставляеть; знаменованіе же во всѣхъ ремеслахъ есть нужно [Татищев 1979: 92].

Современное понятие *скоморох*, по всей видимости, родилось в XIX в. в трудах отечественных историков. Характерно, что И. Забелин считает необходимым комментировать встречающееся в источниках, но вышедшее из употребления слово *веселье* словом *скоморохи* (Про Ивана Васильевича: «он точно так же любил веселых, т. е. *скоморохов*, любил медвежью травлю и тому подобные удовольствия») [Забелин 1895: 356]. В работах историков и филологов XIX в. слово *скоморох* употребляется в связи с достаточно широким спектром представлений. На Руси так же, как и средневековой Европе, должны были быть свои менестрели (певцы княжеского двора), свои бродячие актеры и свои шуты. Именно для обозначения отечественного вариан-

та этих персонажей в историко-филологических науках используется книжное по происхождению слово *скоморох*.

Для истории слова *скоморох* важны еще два факта истории XX в. Во второй половине XX века это слово активно используется в связи с прочтением работ Бахтина и со стремлением использовать понятие смеховой культуры по отношению к Древней Руси [Белкин 1975: 2—6]. А в художественном дискурсе представление о скоморохе, по всей видимости, было сформировано Андреем Тарковским и Роланом Быковым в фильме «Андрей Рублев». Этот образ был растиражирован в многочисленных спектаклях, фильмах и детских утренниках. В результате большинство наших соотечественников с трудом представляют себе, как выглядели Феодосий Печерский или князь Святослав, зато твердо знают, как выглядели скоморохи, которых преподобный встретил у князя.

ЛИТЕРАТУРА

- Барщевский 1914 — *Барщевский И.* Несколько слов из истории искусства скоморохов. Ростов Ярославский, 1914. С. 3—4.
- Белкин 1975 — *Белкин А. А.* Русские скоморохи. М., 1975.
- Беляев 1854 — *Беляев И.* О скоморохах // *Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских*. Кн. 20. М., 1854.
- Веселовский 1883 — *Веселовский А. Н.* Разыскания в области русского духовного стиха. VI—X. СПб., 1883.
- Власова 2001 — *Власова З. И.* Скоморохи и фольклор. СПб., 2001.
- Власова 2007 — *Власова З. И.* Скоморохи по документам XV—XVII вв. // *Скоморохи в памятниках письменности*. СПб., 2007. С. 441—462.
- Грунтовский 2002 — *Грунтовский А. В.* Потехи страшные и смешные. СПб., 2002.
- Дружинин 1909 — *Дружинин В. Г.* Несколько неизвестных литературных памятников из сборников XVI века // *Летопись занятий Археографической комиссии за 1908*. Вып. 21. СПб., 1909. С. 45—106.
- Забелин 1895 — *Забелин И.* Домашний быт русских царей в XVI—XVII в. М., 1895.
- Иванов 1992 — *Ivanov S. A.* Jesters and the Byzantine Hippodrome // *Oaks Papers*. Vol. 46. Homo Byzantinus: Papers in Honor of Alexander Kazhdan. 1992. P. 129—132.
- КПП 1931 — *Абрамович Д.* Києво-Печерський Патерик. Київ, 1931 [Пам'ятки мови та письменства давньої України. Т. IV.]

- Курбский 1993 — Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Подгот. текста Я. С. Лурье, Ю. Д. Рыков. М., 1993.
- Лесков 1989 — *Лесков Н. С.* Собр. соч.: В 12 т. Т. 10. М., 1989.
- Материалы 1885 — Материалы по истории раскола за первое время его существования. Т. 1. М., 1885.
- Мерило праведное 1961 — Мерило праведное по рукописи XIV в. / Изд. под наблюдением и со вступит. ст. М. Тихомирова. М., 1961.
- Миллер 1894 — *Миллер В. Ф.* Былинное предание в Олонецкой губернии // Русская мысль 1894, март; 1895, сентябрь, октябрь.
- Морозов 1946 — *Морозов А. А.* Скоморохи на севере // Север: Альманах. Архангельск, 1946.
- Морозов 1950 — *Морозов А. А. М. Д. Кривополенова* и наследие скоморохов // *Кривополенова М. Д.* Былины, скоморошины, сказки. Архангельск, 1950.
- Муравьев 1967 — *Муравьев М. Н.* Стихотворения / Подгот. текстов Л. И. Кулаковой. Л., 1967.
- Некрылова 1988 — *Некрылова А. Ф.* Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища. Конец XVIII — нач. XX в. Л., 1988.
- Никодим, I—II — Правила Православной Церкви с толкованиями *Никодима*, епископа Долматинско-Истрийского. Т. 1—2. М., 1996.
- Новгородская II летопись — Новгородские летописи (так называемые Новгородская вторая и Новгородская третья летописи). СПб., 1879. С. 1—122.
- О.В.Л. 2003 — *О. В. Л.* Вавила // Православная энциклопедия. Т. VI. М., 2003. С. 470.
- Петухов 1961 — *Петухов В. И.* Сведения о скоморохах в писцовых, переписных и таможенных книгах XVI—XVII вв. // Труды Московского Гос. историко-архивного института. М., 1961.
- ПЛДР XI — Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Кн. 2. М., 1989.
- Пономарев 1897 — Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. Вып. III / Под ред. А. И. Пономарева. СПб., 1897.
- Радзивилловская летопись 1902 — Радзивилловская, или Кенигсбергская, летопись. Т. I. СПб., 1902.
- Скоморохи в памятниках 2007 — Скоморохи в памятниках письменности. СПб., 2007.
- Сведения и заметки I — *Срезневский И. И.* Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. Т. 1. № 1—40 // Сб. ОРЯС. СПб., 1867. Т. 1. № 6, 7, 8, 9.
- СЛРЯ XI—XVII: 1—28 — Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 1—28— (издание продолжается). М., 1975—2011—.
- Стоглав 1887 — Стоглав. Казань, 1887.

- Таможенные книги I — Таможенные книги Московского государства XVII в. / Под ред. А. И. Яковлева. М.; Л., 1950. Т. I. Кн. 2.
- Татищев 1768 — *Татищев В. Н.* История государства российского СПб., 1768. Т. I.
- Татищев 1979 — *Татищев В. Н.* Избранные произведения. Л., 1979.
- Тредиаковский, I—II — Сочинения и переводы как стихами, так и прозою Василия Тредиаковского. Т. 1—2. СПб., 1852.
- Фаминицын 2009 — *Фаминицын А. С.* Скоморохи на Руси. М., 2009.
- Фасмер, I—IV — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1—4. М., 1986—1987.
- Фрэнсис 2007 — *Фрэнсис Е. П.* Скоморохи и церковь // Скоморохи в памятниках письменности. СПб., 2007. С. 463—480.